

Сразу оговорюсь. Нижеследующий текст – антиисторический и антинаучный. Не краеведение, а квазикраеведение. Альтернативное краеведение. Архибред и алко-чушь.

Теперь к делу.

Москва нынче большая. Нет, сегодня она не просто большая, а какая-то совсем уж преогромная. А недавно была просто большой. И москвичам в первом поколении казалось так. В Москве есть Центр. Престижный и, как уверяют полумифические «коренные» москвичи, старинный, древний, с какой-то историей, музеями и памятниками. Ну и собственно Москва – спальные районы необъятных московских окраин. Где все и живут. Меж тем окраины – не просто окраины. Некоторые из них – бывшие леса. Некоторые – уничтоженные деревни и села. А некоторые – целые города. Как, например, город Бабушкин. Или Кунцево. Или Люблино и Перово. Большинство нынешних москвичей – они приехали сюда из разных городов. А кто-то жил у себя в родном городе, а его возьми и включи в 1960 году в состав Москвы.

Вот сейчас, например, ни в чем не виноватые жители города Троицка стали вдруг москвичами.

Так же было в свое время и с жителями города Тушина. Я вырос в Тушине (хотя родился в Москве). Я знаю, что Тушино – город. Но хожу я сейчас по нынешнему Тушину и вижу, что для большинства идущих рядом прохожих никакой истории нет и не было. Они просто живут на окраине Москвы, в спальном районе. Нет, ребята, Тушино – не окраина, не спальный район.

Сходненский череп

Если Тушино – не город, то и Волга – не река. Так говорят в Тушине. Кстати, Волга тоже течет по Тушину. Точнее, по руслу Сходни волжская вода попадает в реку Москву. Для того и строили канал Москва – Волга. Чтоб наполнить Москву водой.

Но раньше и Москва была полноводной. Однако начнем все же с начала. Сначала было море. И над Кремлем

водичка плескалась, и над станцией метро «Тушинская». Суша поднялась, климат потеплел. Пришли птицы, звери, люди. Первый древний человек на территории так называемого московского края был найден именно в Тушине.

Сходненский череп конца ледникового периода. Самая древняя находка, что тут скажешь.

Здравствуй, Тушино

Жизнь, однако, текла дальше. Пришли иные племена, угро-финны, славяне. Тушино располагалось в месте, где суда из Москвы-реки всходили, то есть шли вверх по течению по реке Всадне, нынешней Сходне. А Сходня, красавица, была хороша и полноводна. Вот что писал Адам Олеарий в 1643 году: «Переpravлялись мы через многоводную и быстроходную реку Всаднюю и едва-едва не утонули в ней». Уж если в 1643-м она была полноводной, то что было за тысячу лет до того? Страшно и прекрасно представить. Но мы забежали вперед.

Первое название Тушина – Коробово. Или Коробовское. Жили себе, жили мирно и тихо, да вот на тебе. Воєвода Родион Рябец спас где-то там Ивана Калиту. Тот подарил ему «село во области круг реки Всадни на пятнадцати верстах». В 1332 году.

Сын его – Иван Родионович Квашня. Какой-то он был рыхленький, вот его Квашней и прозвали. Но Квашня Квашней, а командовал полками в Куликовской битве. Умер он в 1390 году. Сына его, Василия, за то, что был уж совсем толстенький, звали Тушею. Ну и село стали звать Тушиным. И вот в купчей 1512 года уже четко читаем: «Купил есмь у своей снохи у Анны у Петровой жены Михайлова сына Тушина (...) половину села Коробовского Тушина».

Здравствуй, Тушино.

Заговор шекспироведов

Что до Коробова, то тут еще проще. Никакого Короба никто не помнит. Но пока в Киеве еще не помышляют, ну или только-только начали помышлять о крещении Руси, в устье Вспходни в 970–980 годах уже вовсю цветет Коробово. Много лодок, ладей, переговоров, иногда пьянка с дракой, иногда починка – товар выгружается на берег. И лежат на берегу короба, много коробов. Вот вам и Коробово. Такова, во всяком случае, версия. Или одна из версий, мне, правда, другие неизвестны.

Получается, что Тушино старше Москвы где-то на 170 лет.

Я, конечно, отчасти слегка передергиваю. Село на Боровицком холме тоже не Юрий Долгорукий основал. Он в конце концов убил уже жившего там боярина Кучку. Приставал к его бабе, к жене его, а потом и убил. Любовь, видите ли, у князя, что напротив Моссовета на коняке сидит да руками машет. Герой. Есть такая, ну да, опять-таки, версия. Но я отвлекся.

Да, отчасти я передергиваю. Патриотизм часто бывает слеп. То есть не совсем слеп, конечно. Видит то, что хочет видеть, и, наоборот, не замечает ненужного, ненужного для него, для патриотизма. Объективности не существует. Двойственные стандарты (их почему-то называют двойными, что глупо, конечно) – изначальный, естественный и необоримый принцип. Те, кто не признается в двойственных стандартах даже себе, – не только лжецы, но и глупцы еще. Двойственные стандарты необходимы. Если будет мир во всем мире, власть станет ненужной. По сути, существует негласный, чаще всего неосознанный заговор политиков. Приведу, чтоб никого не обидеть, пример из области гуманитарной. Почему всегда будут спорить, был Шекспир автором своих пьес или нет? Потому что в каждой работе любой ученый (не

буду утверждать, что злонамеренно, ведь чаще заговор неосознан) допускает глупейшие ошибки. Его ошибки блестяще вскрывает оппонент. Но допускает глупейшие свои. И так без конца. А иначе что? Иначе шекспироведам нечего будет кушать. Осознавая все вышесказанное, сразу говорю: я предельно, люто субъективен. Пристрастен. Гневен. Однако вспомните шекспироведов. У каждой из сторон есть слабые постулаты и леммы. И у господствующей – тоже. На уроках истории я испытывал естественную гордость за тушинского царя, а мне внушали, что он негодяй. Какой же он негодяй, если он наш? Наши всегда хорошие. Но я опять отвлекся.

В любом случае Волоколамск в летописях упоминается уже в 1135 году. А Волоколамск – наш, тушинский, любимый тушинцами город. К волоку Ламскому от Тушина все кораблики шли-то. Что до других «сведений» – оговорюсь. Из разных, часто противоречивых, источников я их брал. На свой страх и риск, часто по памяти. Так что перед вами – исключительно версии. Что помню. Так мне кажется. Не более того.

Самый знаменитый тушинский политик. Трикотажка

Ну да, он, конечно, царь Дмитрий, муж Марины Юрьевны Мнишек, тушинской царицы, отец ее сына. Тушинский вор. И сын его – «воренок». История «300-летия дома Романовых» началась с убийства малолетнего «воренка». Ага, симметричный ответ за царевича, надо полагать. Хотя первый русский царь Михаил Романов, между прочим, – сын тушинского патриарха Филарета. Э, да что там говорить...

В любом случае в июне 1608 года в Тушине обосновался самозванец Лжедмитрий II, Тушинский вор. Когда

царя Дмитрия называют Тушинским вором – ничего, не обидно. Вор – не тать, вор – бунтовщик. Лагерь его был на месте впадения реки Сходни в Москву-реку. Где Сходня образует петлю. Она и сейчас ее образует. Посмотрите на карте. Говоря сегодняшним языком, между реками Москвой и Сходней, у самой МКАД, возле железнодорожной платформы Трикотажная.

Нет, сейчас, ясное дело, все другое. И Сходня не такая и не там, и река Москва не такая и не там. Но если накладывать сегодняшнюю карту на карту Константина Калайдовича (1792–1832), то ясно видно: Трикотажка.

Самый знаменитый тушинский политик. Дума и перелеты

Саму героическую и трагическую судьбу Тушинского вора каждый знает, так что скажу вкратце. В июне 1608 года войско Дмитрия встало лагерем в Тушине. Он, кстати, хотел было у нынешних Мытищ встать, да его Шуйский не пустил. Пока осада Москвы шла с переменным успехом, русские города один за другим присягали Тушину. Из Москвы посыпались перебежчики. Город стал столицей России, значительно вырос. Здесь была Дума, патриарх Филарет (тот самый, уже упомянутый отец будущего царя Михаила Романова). Но в дело вмешались поляки, Тушинская дума раскололась, Дмитрий с Мариной бежали в Калугу. Улица Плеханова, 88, точный адрес, к счастью, известен. Кстати: палаты Коробовых, по-моему. Совпадение?

А Тушино продолжало бороться. Весной 1610 года в Тушино входит Скопин-Шуйский и устраивает резню. Два года тушинского счастья и взлета пролетели как один миг. Пятнадцать минут славы города Тушина. Мы имели

на них право. Но профукали. И, знаете, если б не профукали, то... ну засел бы Дмитрий с Мариной в Москве. И все. Хотя... мог бы и должен был перенести официально столицу.

Но все сложилось не в нашу пользу. А вот «тушинские перелеты» – забавное веяние времени. Почти все московские бояре, как только пришел Тушинский вор, побежали к нему в Тушино. А потом испугались и убежали обратно. А затем – снова в Тушино. Некоторые чуть ли не в один и тот же день присягали разным царям. Жаль, тогда метро не ходило, а то бы по десять раз на дню туда-обратно перелетали. А если бы метро и ночью ходило... Страшно представить.

Что с них взять? Одно слово: Дума.

Забавно, но в советское время в Тушине был аэродром. И не один. Тушинские перелеты, не иначе.

Самый знаменитый тушинский политик. Цариков переулоч

На сегодняшний день три года русской истории стали кошмаром для истории тушинской: 1610-й, 1960-й и 1991-й. В марте 1610 года Тушинский лагерь, ставший к тому времени огромным городом, был уничтожен и полностью сожжен. Тушинские Хиросима, Дрезден и Варшава, не иначе. «Праздник» 1612 года и «освободители» Минин и Пожарский для меня лично – те, кто так или иначе все равно шел по убиенному Тушину.

В 1960-м город (официально Тушино стало городом в 1938-м) Тушино включен в состав Москвы. Становится Тушинским районом. Теперь год 1991-й. Тушинский район перестает существовать. И, злая ирония, древняя, сквозь много поколений месть Москвы Тушину: историческое

Тушино теперь является частью Покровского-Стрешнева. При всей любви к существующим сейчас Северному Тушину и Южному Тушину – просто Тушина нет, историческое Тушино снова уничтожено и сожжено. Конечно, были, наверное, экономические или еще какие причины... Хотя стоп. Мэр-то у нас уже новый, чего я волнуюсь? Какие могут быть иные причины?

И последнее. Сейчас уже за МКАД, в Митине, есть Цариков переулочек. Хотя Царикова гора (конечно, какой же он царь, так – царик) не там. Теперь Царикову гору не найти. Вероятно, все же уцелевшей частью ее является то, что сейчас в народе называется Полгоры.

Домов по Цариковому переулочку не значится.

Вот какие люди живут в Тушине

Но Тушино не убить. Потому что в Тушине живут удивительные люди. Вот что я видел лет пять тому назад. Станция метро «Тушинская». Лавочка возле первого вагона из Москвы. Без десяти одиннадцать утра. Возле лавочки стоит крепкая старуха и громко ругается.

– Все, – вопит, – надоело. Полтора часа жду! Сколько можно? Ухожу!

– Да вы присядьте, – говорят ей с лавочки.

– Нет! Полтора часа простояла! Ухожу. Жду еще один поезд – и ухожу. Надоело.

– А вы во сколько встречаетесь?

– В одиннадцать...

– Но ведь... э... еще нет одиннадцати...

– Ну и что? Я встала в семь. Что мне без дела по дому бродить? Пошла. Медленно шла. В девять двадцать была здесь. И вот – жду. Полтора часа жду, надоело! Хватит с меня. Вот еще один поезд подожду – и пойду...

– Да вы хоть одиннадцати дождитесь.

– Нет! Полтора часа тут стою!

Ушла без пяти минут одиннадцать.

Железная женщина. Так что ни 1610-й, ни 1991-й Тушина не убьют. Если Тушино – не город, то и Волга – не река.

Объект

В 1898 году была проведена железная дорога, в 1903-м – открыта платформа Тушино. На платформе, сколько себя помню, стоял чудесный деревянный станционный домик. Потом станцию изгадили, переделали. Улучшили и обустроили. А домик все стоял и стоял. Совсем недавно его снесли. Я подошел, хотел сфотографировать руины, но прибежали какие-то... гм... крупные молодые мужчины и чуть не убили. Орала много, громко, непонятно. Чаще всего выкрикивали слово «объект» и отнимали фотоаппарат. Еле ноги унес. В рюмочную «Тушинский колхозный рынок». Впрочем, о ней позже.

На лед не выходить. Труба и тушинские водопады

Тушино – город рабочий. Сплошные заводы и фабрики. Забавный факт: к концу XIX века почти половина жителей Тушина была грамотной. Интересно, а в Москве так же было в то время? Не уверен.

В состав советского города Тушина входили также Братцево, Алешкино, Захарково. Частью Тушинского лагеря было село Спас. Особенно жалко Спас. Спас еще и сейчас почти жив. А в автобусе объявляют: остановка «Спас». Только выходить и жить некому. Хотя несколько домов на берегу Москвы еще есть. И даже собаки лают.

И даже в некоторых домах живут. Не жители Спаса, конечно, а... гм, приезжие. А Захарково? Все, что осталось от Захаркова, – пристань. Захарково окончательно сгубили совсем недавно. Еще в году (примерно) 2005-м ходил от Захаркова паром до Речного вокзала. Зимой (вот уж буквально лет пять тому назад) еще существовала почти официальная тропа по льду Химкинского водохранилища. Тоже до Речного вокзала. Идти ближе, чем ехать. Совсем официальной она, конечно, быть не могла, ибо служила исключительно жителям, но мостик, чтобы подняться наверх и выйти к зданию Речного вокзала, был.

Теперь таблички – «На лед не выходить». Ну и летом – «Купание запрещено». А ведь пляж парка «Северное Тушино» чудеснейший. Традиционное, уже десятилетия, место отдыха тушинцев. Кстати, зимой там дети катаются с горок и нагло нарушают запрет «На лед не выходить».

Ясное дело, что ставить таблички в традиционныхгодами местах купания легче, чем обустраивать пляжи, чистить воду. А всяческие катера, которые врезаются друг в друга и в головы купальщикам, – пускай себе. Культурный отдых. К тому же за деньги.

Опять я развел нытье и политику, но как иначе? Ведь если любишь, то и болит. Мне и Москва болит.

Лучше я про искусство. Любимый тушинцами русский художник – Иван Шишкин. В 1866 году в Братцеве, селе, которое находится возле впадения в Сходню реки Братовки, побывал художник Иван Шишкин. И написал картину «Полдень. Окрестности Москвы. Братцево». Братовка и сейчас в Сходню впадает.

Короче говоря, так. На «Сходненской» садитесь в троллейбус и едете до конечной, до Братцева. Идете к МКАД. Слева от вас раскинутся усадьба Братцево и парк. Хорошее очень место для гуляния. Переходите МКАД, еще на мосту видите речку Сходню. Сворачиваете

направо и спускаетесь к реке. Переходите мостик и поворачиваете налево. Идете вдоль чудного берега и видите, как из трубы под МКАД Братовка впадает в Сходню. Братовка по нашу, тушинскую, сторону МКАД течет открыто, там тоже отличные для гуляния места. Но вы идете вдоль Сходни. То есть слева от вас Сходня, справа – МКАД. Доходите до трубы. Здоровенная такая труба через Сходню. На обратном пути, когда будете уже пьяный и смелый, наверняка захотите пересечь Сходню по трубе. Пересекайте. Но будьте все же осторожны, хотя и труба широкая, и Сходня сейчас неглубока. Так вот, идете дальше, видите небольшой пруд. Он образован плотиной. Если доплыть (совсем недалеко), можно встать под Тушинский водопад. Внутри водопада, глядя на могучую стену воды...

Нет, такое надо испытать, описывать глупо.

Латыши и литовцы

Больше всего тушинцы любят литовцев и латышей. Потому что многие улицы в Тушине названы именами латышских и литовских деятелей политики и культуры. Есть, правда, активисты, которые хотят их переименовать. Даже новые названия предлагают. Например: улица Полярников (вместо бульвара Яна Райниса), Буранная (вместо Фабрициуса), Сходненский Ковш (вместо Доне-лайтиса), Варлама Шаламова (вместо Вилиса Лациса), Братцевский спуск (вместо Саломеи Нерис).

Названия хорошие. Все по делу. Но, к счастью, в Москве, насколько я знаю, действует закон, запрещающий переименование улиц. Исключения возможны лишь при возвращении им исконных названий. А упомянутые названия как раз исконны.

Небольшой ликбез.

Кристионас Донелайтис (1714–1780) – литовский поэт и богослов, зачинатель литовской литературы, пастор. При жизни его произведения распространялись в рукописях. Литовский Гомер и Пушкин в одном лице.

Ян Райнис (1865–1929, настоящая фамилия – Плекшанс) – латышский поэт, драматург, классик латышской литературы.

Ян Фабрициус (1877–1929) – латышский революционер, участник Первой мировой и Гражданской войн. Воевал против Мамонтова и Деникина, погиб в автокатастрофе. Повезло. А то бы расстреляли.

Саломея Нерис (1904–1945, настоящая фамилия – Бачинскайте, по мужу – Бучене) – литовская поэтесса, переводчик Пушкина, Тургенева, Горького, Ахматовой. Кавалер ордена Отечественной войны I степени, лауреат (посмертно) Сталинской премии.

Вилис Лацис (1904–1966) – латышский писатель, народный писатель Латвийской ССР, лауреат двух Сталинских премий.

Знаменитые тушинцы

Много их было, кто в Тушине жил. Всех не назвать, да и не надо. Покрышкин, например. Или Игорь Сукачев. Как-то утром, похмельный, стою у метро «Тушинская», пью воду газированную из автомата. Помните такие? 1 коп. – стакан без сиропа и 3 коп. – стакан с сиропом. Если вы, конечно, олигарх, хотя тогда так не говорили. Так вот, пью без сиропа. Рядом парень стоит. Тоже пьет, тоже без сиропа. Выпил, пошел куда-то. А меня девочка моя, которая рядом стояла, в спину толкает и шепчет страстно: знаешь, кто только что тут воду пил? Игорь Сукачев!

Вот. А в ДК «Красный Октябрь» на Вишневой улице выступал Виктор Цой. В эротическом (западном, но снятом в СССР, с русскими актрисами) фильме «Секс и перестройка» есть эпизод. Там и Цой, и ДК «Красный Октябрь». Еще помню, в те же годы были шумные уличные митинги про Тельмана Гдяна. Вы его помните? Нет, конечно, а вот поэт Емелин, живший тогда еще в Тушине, говорил мне, что тоже там ходил, что-то хорошее про перестройку говорил и думал. Как и я. Жаль, не встретились. Точнее, хорошо. А то бы напились как свиньи, а тут же того... перестройка... Тельман Гдян.

Варлам Шаламов

Самый знаменитый из тех, кто жил в Тушине, – конечно, Варлам Шаламов. Только он не жил тут, а умирал. Он умирал в Тушине, в пансионате ветеранов труда № 9 (кажется, он от Литфонда, но не уверен). Находится на улице Виллиса Лациса, дом 2. Рядом, кстати, роддом. Очень символично. Не знаю, был ли роддом в то время, когда в доме престарелых умирал Шаламов, возможно, уже и был. А я в шаламовском доме престарелых дважды бывал. Один раз – в 1992 году, пьяный. Провожал свою тогдашнюю девочку до дома, на улице Виллиса Лациса, конечно, сидели с ней на лавочке, то да се. Она домой пошла, а я, пьяный, заблудился, видно. Проснулся утром в незнакомом доме, на кушетке, в коридоре, кажется. Видимо, проник на территорию, сторож увидел, сжалился.

Отвлекусь. Я, кстати, подобным образом и в Театре на Малой Бронной ночевал. Пошел пьяный на спектакль (не помню, какой, тогда по студенческому билету Литературного института бесплатно пускали), ну и уснул где-то.

Охранник утром только спросил строго: «Ты не курил?» Нет, говорю. «Ну, молодец», – обрадовался охранник.

Но я опять отвлекся. Второй раз я был в том доме престарелых в году примерно 1999-м. От газеты «Книжное обозрение». Главный редактор любил «актуальные репортажи». Сходи, говорит, узнай, что читают в домах престарелых. Я и пошел. В единственный знакомый мне дом престарелых, тем более что я знал: по легенде, там умирал Шаламов. Ну, походил, взял интервью, водили меня в библиотеку. Говорили, что у них много читают, есть даже те, у кого книжки стихов когда-то выходили (возможно, и впрямь от Литфонда). Я и про Шаламова спросил. Ответов не помню, где теперь мое интервью? В газете. Но где тот номер газеты, как его искать? Но вроде мне сказали, что умер Шаламов не у них. И еще сказали, что те, кто покрепче, у них на первых этажах, а совсем тяжелые – на последних. Чтобы поближе к небесам. Без улыбки сказали.

О том, как умирал Шаламов, написала Елена Захарова. Она врач и переводчик, и ее выступление на Шаламовских чтениях 2002 года так и называется: «Последние дни Шаламова». Вот небольшой фрагмент:

«И вот мы пришли в Дом для инвалидов и престарелых № 9. Надо сказать, что в то время я уже была студенткой пятого курса мединститута, подрабатывала фельдшером на скорой, кое-что повидала и считала себя опытным человеком. Но то, что я увидела, в рамки моего опыта не укладывалось. В маленькой палате стояло две койки, две тумбочки и стол. Грязь, запах. Два старика (у В. Т. в то время еще был сосед) – один неподвижно лежит на кровати, другой сидит на полу рядом с голой, незастеленной койкой, одет в какое-то тряпье, изможденный, все время дергается, лицо асимметричное. С ним-то отец и поздоровался очень громко. Старик крикнул что-то совершенно

неразборчиво и взмахнул рукой, в которой была зажата погнутая алюминиевая кружка. (...) Я думаю, что В. Т. считал себя заключенным, да, собственно, он им и был. Поэтому он срывал с кровати постельное белье – протестовал, как мог, повязывал полотенце на шею, чтобы не украли сокамерники...»

А умер Шаламов и впрямь не там. Его перевозили в другое место, вероятно, еще хуже. Она заболел и умер.

Пульс Тушина

Была такая газета в начале 90-х. Сначала краеведческая, с уклоном в национализм, потом краеведения становилось все меньше и меньше. Наконец она стала называться «Русский пульс». И сгинула. Признаюсь, читал там не только краеведение. Она была невероятно забавна, жаль, вместо тушинского сепаратизма увлекалась обычным русским национализмом. Ох и времена были. Все было можно. И то, что там писали, – пусть и было порой людоедским, но то была настоящая свобода. Смешно, но редактором ее был поэт Фомичев. А в Тушине есть улица Фомичевой. В честь Героя Советского Союза, командира эскадрильи бомбардировщиков Клавдии Яковлевны Фомичевой.

Хотя, конечно, вряд ли они родственники. Вот что пишут на сайте Института русской цивилизации про «Пульс Тушина»: «“ПУЛЬС ТУШИНА”, патриотическая газета Тушинского р-на Москвы. Основана в 1989 г. Прекратила существование из-за недостатка материальных средств в 1992 г. Гл. редактором был писатель В. Т. Фомичев.

В 1991-м за публикации, раскрывающие сущность сионизма и мирового еврейства, по заявлениям группы лиц еврейской национальности, Тушинской прокуратурой про-

тив гл. редактора «Пульса Тушина» В. Фомичева было возбуждено уголовное дело по ст. 74 УК РСФСР, впоследствии прекращенное за отсутствием состава преступления».

Комментировать я не буду, газета была презабавной, очень хорошей и наивной, у меня долго хранились все ее номера. Пока я не узнал, что подобная литература – экстремизм. Тогда я, конечно, все номера уничтожил. Хотя какой там к черту экстремизм...

Взрыв на рынке

Взрыв на Тушинском оптовом рынке – вот что такое экстремизм. В день взрыва я как раз туда шел. То ли очки купить, то ли сумку. Потому что накануне в пьяном виде и очки потерял, и сумку. Но у меня всегда ведь в запасе есть старые, в той или иной степени разбитые очки. Я их и надел. А сумка, что сумка? Все равно в ней были только какие-то уникальные фотографии, чужие рукописи и архивы, редкие книги на рецензию, короче, ерунда и баловство. Первый раз, что ли? Короче, решил я сначала выпить, а потом, выпив, свернул уже куда-то в сторону от рынка, там где-то и очки купил, кстати. Повезло. Но, знаете, смерть – она, конечно, всегда страшна, а когда вот совсем рядом...

Потому и страшней всего, например, именно смерть ровесников. Даже не тех, кто моложе. Именно ровесников.

Все. Помолчу. Вечная память.

Милиционер на «Планерной»

Хорошие милиционеры бывают. Один такой много лет работал на станции метро «Планерная». Огромный,

толстый. Нет, именно огромный. Богатырь. Его очень многие помнят. Неоднократно он вынимал из вагона уснувших граждан, спрашивал, где живут. Если на «Планерной» (конечная станция, если кто не знает), деликатно провожал к выходу. Если не на «Планерной» – провожал до поезда в обратную сторону. С преступностью боролся. При мне разогнал целую банду бритоголовой шпаны, напавшей на пожилую супружескую пару. Чернокожие были оба, что почему-то разъярило бритоголовых. А меня как-то вытащил из поезда, а поскольку поезд был последним, то, узнав, куда мне ехать, вышел со мной на улицу и велел шоферу автобуса, который ехал к метро «Тушинская», меня отвезти. Тот ехал уже не рейсово, но все равно именно к «Тушинской». Ну и «начальник сказал». И я ехал в автобусе, один, ночью...

Пусть сильнее грянет кризис

Одна из причин кризисов – естественное сопротивление городов своему уничтожению. Потому что замораживаются многие грандиозные архитектурные проекты. Раньше вход на Тушинское летное поле был свободным. Я ходил по аэродрому купаться на реку Москву. Потом поле огородили колючей проволокой, пустили собак. Вместо поселка летчиков сделали оптовый рынок.

Рынка теперь нет. Зато отгрохали стадион «Спартак», туда его в качель. А летное поле бешено застраивают челявниками.

А раньше там, где сейчас продают замороженную говядину, гуляли коровы. А ведь по одну сторону Тушинского поля река Химка, по другую – Сходня. Берег Сходни (ближе к Москве-реке) изгадили («облагородили») несколькими отвратительными скамейками и дорожками

и множеством уродливых громадин, не знаю и не хочу знать, чего именно. Полностью, окончательно и бесповоротно. До устья, кстати, не дойти. Забор, охрана, собаки. Берега Химки еще хоть немного сохранили свою неопи- суюмую красоту. А ведь там, на летном поле, бывшей пой- ме Москвы, хотят построить стадион «Спартак», открыть станцию метро, которая давно уже построена между «Тушинской» и «Щукинской», но пока не открыта. Боль- шевики там замыслили свое, пришедшие им на смену – свое. Пока – слава кризисам – ничего не выходит. Химоч- ка моя любимая течет. (Кстати, ничего «химического» в ее названии нет, раньше она называлась Хинка.)

Только вот на месте бывшего общественного туалета открыли паб «Спарта». Паб я бы оставил, если б то был не паб, а рюмочная или пивная. Не ресторан, который назы- вается рюмочной или пивной, а именно то, что я сказал.

Кстати, о рюмочных и пивных. «Салон красоты» и «Божья коровка»

Один тушинец рассказал мне легенду: почему, мол, в Тушине все бухают. Оказывается, в XIX веке тоже с пьян- ством боролись. А в Нахабине, относительно недалеко от Тушина, находился храм. Там какой-то то ли поп, то ли бывший поп, то ли еще кто от алкоголизма заговаривал. Последним жилым пунктом перед Нахабиным было как раз Тушино. Вот все алкаши там и выпивали: «по послед- ней». Туда, в церковь, идет толпа пьяная и веселая, об- ратно – угрюмая и трезвая. А тушинцы бухают. Что же де- лать, если кабаков – по одному на душу населения. Если, конечно, верить данной истории.

А рюмочные раньше в Тушине были. Впрочем, сразу оговорюсь. Пишу по памяти. Много, очень многое могу вспомнить не так и неправильно (как здесь, так и выше).

Так вот. У метро «Тушинская» их было две. Одна – в здании, где магазин, по правую руку от метро (первый вагон из Москвы, выйти и встать спиной к метро, спиной к железной дороге). Другая – по левую. Туда автобусы еще приезжали. А если идти к Комсомолке (когда-то там был поселок Комсомольский, но и сейчас тот странный анклав, где кажется, что время остановилось где-то в 70-х, называют Комсомолкой), но не переходить мост через Сходню, – была пивная. А еще раньше – бараки для пленных немцев. Бараки в Тушине были повсюду. Все-таки строительство каналов – ГУЛаг, что ни говори. И рабочие заводов...

Горбачев унес упомянутые рюмочные, хотя побывать я в них успел. Потом перед метро появились и гиблы массы заведений и забегаловок. На месте нынешнего «Макдоналдса» было «Русское бистро» (с водкой). Очень хорошая рюмочная была прямо напротив завода, только надо было перейти железную дорогу. Та местность так и называлась, так и называется до сих пор – Железкой.

Мой район. Мой дом – 12. А в доме 16 жил поэт Емелин, правда, не так уж долго. Так вот, рюмочная, что напротив завода. Ее называли «Салон красоты». Потому что прямо в шаге от рюмочной был салон красоты. Нет сейчас рюмочной. Дольше всех живет заведение, которое я впервые посетил в году 1992-м примерно. Тогда оно было очень хорошим. Потом называлось «Боржоми», было хуже. Сейчас называется опять по-другому, стало еще хуже. Я туда не хожу из-за того, что совсем рядом с ним недолго существовала рюмочная «Божья коровка». И мне ее жалко.

Сейчас лучшее заведение в Тушине – рюмочная «Тушинский колхозный рынок». Она расположена в помещении торгового центра, построенного вместо уничтоженного Тушинского колхозного рынка.

Ах, какие там были пончики, на колхозном рынке! Я их брал по дороге из школы, 25-й английской спецшколы. А еще текла речка Вонючка. Ее уже давно нет, но места все равно хорошие. Меня там однажды подобрали пьяного... гм... несколько ребят (сами себя они называли чеченской мафией, а уж кем были – откуда мне знать, но война с Чечней тогда еще не началась) и отвели под руки до дома. Сказали: тебя ограбят или убьют, а свалят на нас, а нам чужих грехов не надо.

Так вот, рюмочная. Новая. 100 граммов водки «Водка» стоит 30 рублей. Но ее никогда нет. А есть по 40 рублей. За 100 граммов. А теперь зайдите в «культовые» московские рюмочные – там намного дороже.

Кстати, о рюмочных и пивных. «Утопленник» и «Улыбка»

А еще в Тушине была пивная «На Полгоры». Возле 17-го таксомоторного парка. А я в нем недолго работал (ну как работал – практику проходил) художником. Пивная «У Рыцаря». И очень хорошая – «Утопленник». Возле Восточного моста. Ее так называли потому, что пьяные часто в воду падали. А если выйти из «Утопленника» и пойти не падать в воды Деривационного канала, а выйти к улице Свободы, то возле Химкинского бульвара дойдешь до пивной «Прибалтика».

Там и сейчас есть заведение. Причем как. Если со Свободы – то кафе с официантами. А если свернуть на Химкинский бульвар в сторону недавно уничтоженного и снесенного кинотеатра «Балтика», то будет неплохой закуток уже системы рюмочных.

Если к уничтоженной «Балтике» не идти, а перейти на другую сторону Химкинского бульвара, то можно встретить ЗАГС, а чуть левее – уничтоженный Ангар. Все, что

осталось (теперь уже не осталось) от аэродрома. Если повернуть назад, перейти Свободу и пойти к каналу имени Москвы и парку «Северное Тушино», то там сейчас подводная лодка-музей. Брр...

А вот еще одно заведение. По-моему, «Улыбка», но обещать не стану. Тут уж надо пойти по бульвару Яна Райниса (он сразу за Химкинским) и, не сворачивая в сторону кожно-венерологического диспансера, заглянуть. Хотя все делали наоборот: излечивались, а уж потом шли улыбаться в «Улыбку».

Кстати, о рюмочных и пивных. «Минутка» и шеститомник Бунина

Но лучше было идти в «Минутку»: улица Сходненская, 3. Западный мост, если говорить по-русски. Маленький закуток, в уголке. В сущности, палатка, причем половина палатки – магазинчик. Я туда зашел, грустя, гляжу на ассортимент. Ассортимент скудный: сигареты и пиво.

– А, – говорю задумчиво, – попить что-нибудь есть?

– Водка? – радуется продавец-грузин. – Конечно! И закуска имеется.

Он там был один, по-моему, если меня, разумеется, не считать. Но – по мановению, уж не знаю, какого Аллаха – все появилось через секунду. И котлету погрел. Поскольку водка, видимо, продавалась неофициально, то капризничать, требовать самую дорогую я не стал. И правильно: вкусной оказалась.

А заведение – культовое. Еще при большевиках было. То кабачок, то просто магазин, а на улице столики, то ларек с разливным пивом. Помню, у друга дочка родилась, мы неделю праздновали, пока жена в роддоме прохладилась. Времена были жуткие, то ли горбачевский алкогольный геноцид, то ли ранняя ельцинщина. Пошел я за

пивом разливным, с двумя канистрами. Очередь – ну, кто жил в СССР, знает. А я уже и разговаривать не могу.

– Дочку, – говорю, – чтобы из роддома забрать, надо в роддом попасть. Пива потому очень хочется. – Добрые тушинские алкаши на руках меня к окошку поднесли, деньги из ладошки вынули, все, что надо, обтяпали.

– Идти, – спрашивают, – можешь?

– Дойду, тут по сугробчикам, по снежочку доберусь...

Пришел. В дверь позвонил. Поставил обе канистры возле двери, тихо лег и уснул вечным сном.

Но если не вечным, то можно пойти в совсем другую часть Тушина, на Волоколамское шоссе. Рядом – Академия коммунального хозяйства. Академия... как тут не выпить? Заведение возле академии вроде еще до сих пор есть. А вот «Минутки» уже нет лет пять-десять.

Что еще вспомнить? Правильно. Кафе «Любимое» (улица Свободы, 11). Его тоже давно уже нет. А раньше... А раньше в том доме книжный магазин был. В начале перестройки, помню, подписки разыгрывали. Мы пришли в шесть утра, человек семь нас было, встали в очередь. Шеститомник Бунина (белого цвета, отличное издание) с той поры у меня где-то валяется. Ну не читать же!

Стратонавты и Сходненский ковш

Хватит уже о кабаках. Есть ведь еще и кино. «Балтику» снесли, а кинотеатры «Полет» и «Метеор» остались. Причем «Полет» даже отчасти еще работает. «Метеор» просто стоит печальным укором. Между улицей Свободы и каналом имени Москвы. На другом берегу канала – англо-американский поселок (или что-то в том же духе). А была когда-то деревня Ивановково. Но речка Химка еще течет, милая. В ней время от времени бобры селятся.

Другой берег, правда, не Тушино, а как раз Покровское-Стрешнево. Хотя тушинцы, конечно, считают Тушиным и районы метро «Щукинская» и «Октябрьское Поле», и Митино, и Строгино, и Подмосковье от Красногорска до Волоколамска. Остался бы город Тушино столицей – тоже бы рос.

Кстати. Я вот тут пишу про Железку. А Железкой-то она была потому, что до 1964 года проезд Стратонавтов назывался Железнодорожной улицей. А в 1964 году переименовали. В честь стратонавтов Васенко, Федосеенко и Усыскина, погибших в 1934 году на стратостате «Осоавиахим-1». Им в Тушине, на Волоколамском шоссе, небольшой памятник стоит. Или стела, не знаю, как правильно назвать. Я в 1991 году, когда с младенцем в коляске гулял, частенько туда заходил. Там рядом стадион «Луч» (мы на нем школьниками бегали), я и туда с коляской заходил. Тоже, в общем, анклав, причем вот там уже не 70-е, а 50-е. Сталинщина. А что делать? Сталин парады воздушные принимал. И памятник Ленину до сих пор стоит. И трибуна, где Сталин стоял, осталась.

Но не буду заканчивать Сталиным.

Главное природное богатство Тушина – Сходненский ковш (или чаша). Там, уверяют, есть и эндемик – тушинская землеройка. Я, признаться, не видел, но меня уверяли, что она водится исключительно в Тушине. Идти туда можно от Братцева, а можно и с другой стороны, через Комсомолку, вдоль Сходни. Сходненский ковш – огромная такая яма красивая. Или, как пишут в энциклопедиях, «гигантская впадина неясного происхождения глубиной 40 метров – возможно, метеоритный кратер».

Вот. А вы говорите Лжедмитрий.